

Джаспер Реес

Подарок судьбы

Томас П. Кэмпбелл и Филипп де Монтебелло, 9 сентября, 2008 года
Предоставлено:
The Metropolitan Museum of Art/Don Pollard

Thomas P. Campbell and Philippe de Montebello, September 9, 2008
Courtesy The Metropolitan Museum of Art/Don Pollard

В течение нескольких десятилетий среди музейщиков всего мира не было фигуры более уважаемой и знаковой, чем Филипп де Монтебелло. Проведя 31 год на этом посту, 31 декабря прошлого года Монтебелло ушел с должности директора музея Метрополитен. На следующий день кресло директора занял его преемник. А выставка, открывшаяся в конце 2008 года в шести залах музея, как бы была призвана показать новому директору, сколь высока планка, к которой он должен стремиться.

Название выставки — «Эпоха Филиппа де Монтебелло» — говорило само за себя. Разнообразие экспонатов (от Луччио до Джаспера Джонса, от эксклюзивных произведений искусств времен Древнего Египта до Конго XIX века; гитары, статуэтки Будды, игральные карты и редкие рукописи) едва ли могло подкачать посетителям, что же является основной темой экспозиции. Триста экспонатов были выбраны из 84 000 произведений искусства, приобретенных музеем Метрополитен при участии его директора Филиппа де Монтебелло. Несомненно, его карьеру можно назвать поистине выдающейся.

В этой связи особый интерес представляет комментарий нового директора музея Метрополитен Томаса П. Кэмпбелла: «Столь поразительное собрание шедевров даже немного пуга-

ет: испытываешь некую эйфорию, как во время заседаний, когда обсуждается новое приобретение для музея», — признается его преемник. Читателю не должен вводить в заблуждение типичный для американцев инициал перед фамилией Кэмпбелл. На самом деле он британец. Его имя не слишком известно вне сферы музейной деятельности; учитывая академическую специализацию Кэмпбелла, можно даже предположить, что и некоторым профессионалам музейного дела оно также не очень знакомо.

Пост руководителя музея Метрополитен, бесспорно, является самой престижной музейной должностью в мире. Музей, ставший одной из наиболее популярных достопримечательностей Нью-Йорка, располагает огромным целевым фондом и уникальными

возможностями приобретать новые произведения искусства и получать на свои международные выставки прекрасные работы из других музеев. Его поистине энциклопедическая, не имеющая аналогов коллекция объединяет произведения искусства различных эпох и культур во всем их многообразии. Только представьте себе размер коллекции, в которой объединены собрания Эрмитажа, ГМИИ имени А.С.Пушкина и Третьяковской галереи.

«Интересной работы в музеев много», — говорит Кэмпбелл. — Но возглавлять подобный музей — это воистину подарок судьбы. Здесь собрана, пожалуй, наиболее полная, поистине энциклопедическая коллекция. Возможно, в каких-то разделах она уступает собраниям других музеев, но в мировом масштабе по полноте и диапазону — это величайшая коллекция в мире. Музей расположен в чрезвычайно удачном месте (на так называемой Музейной миле. — Прим. ред.), он доступен огромному количеству посетителей из разных стран. Среди достопримечательностей Нью-Йорка наш музей — самый востребованный. Мы также пользуемся большой популярностью у американских поклонников искусства, которые оказывают нам значительную поддержку и демонстрируют искреннюю заинтересованность в деятельности музея. Это очень искушенная публика, рассчитывающая на интересную музейную программу. У нас хватает места и для показа постоянных коллекций, и для масштабных амбициозных выставок. Возможно, благодаря стабильному финансированию, здесь царит дух восторженного энтузиазма и уверенности в своих силах. И наконец: самым важным, скорее всего, является то, что под руководством Филиппа де Монтебелло штат сотрудников Метрополитена пополнился многими ведущими специалистами музейного дела. Таким образом, у нас собрался очень сильный, преданный своему делу творческий коллектив. Именно сочетание всех вышеперечисленных факторов делает наш музей поистине выдающимся и уникальным».

Решительная и вместе с тем сдержанная манера речи нового директора выдает в нем дипломата. Что ж, это необходимое условие его успешной

◀ *Нападение на единорога*
1495–1505
Шерсть, шелк, серебряный и позолоченный уток
Фрагмент
Дар Джона Д. Рокфеллера-мл. 1937

◀ *The Unicorn Is Attacked*, 1495–1505:
Wool warp, wool, silk, silver, and gilt wools
Detail
Gift of John D. Rockefeller Jr., 1937 (37.80.3)
Six hangings and two fragments from two or more sets of tapestries

Великолепие ▲
гобелена эпохи
барокко (2007)
Вид экспозиции

Tapestry ▲
in the Baroque:
Threads of Splendor
(2007)
Installation view

Jasper Rees

Succession at the Met

For decades, no figure in the museum world has been better known or more highly esteemed than Philippe de Montebello. On 31 December of last year, after 31 years as director of the Metropolitan Museum of Art in New York, he stepped down from his post. A day later, it fell to a new director to fill his shoes. As if Thomas P. Campbell was not already aware of the task ahead, an exhibition at the Met enshrined in six crowded rooms showed just how high the bar had been set.

Пленение единорога ▶
1495–1505
Шерсть, шелк,
серебряный
и позолоченный уток
368 × 251,5
Дар Джона
Д. Рокфеллера-мл., 1937

The Unicorn ▶
in Captivity. 1495–1505
Wool warp, wool, silk,
silver, and gilt wefts
368 × 251.5 cm
Gift of John D. Rockefeller
Jr., 1937 (37.80.6)
The Unicorn in Captivity.
Six hangings and two frag-
ments from two or more sets
of tapestries

The title said it all: “The Philippe de Montebello Years”. The display ranged across centuries and continents, from Duccio to Jasper Johns, from ancient Egypt to 19th century Congo, by way of guitars, Buddhas, playing cards and illuminated manuscripts. The 300 exhibits were a snapshot of the 84,000 acquisitions made by the Met under the aegis of its outgoing director. By any standards, it is a gigantic footprint.

“It’s a little intimidating,” concedes his successor, Thomas P. Campbell, “It’s like one of our acquisition meetings on

steroids — an amazing smorgasbord of masterpieces.” Despite that slightly preppy middle initial, Tom Campbell is not American — he is actually British. Outside the museum world and — given the nature of his academic specialism — perhaps even inside it, Campbell’s name is not well known.

Running the Metropolitan Museum is unarguably the most prestigious museum job in the world. New York’s most visited attraction has a vast endowment and an unparalleled capacity to acquire new works and attract inter-museum loans. With its encyclopaedic collections spanning centuries, cultures and art forms, the Met has no equivalent. If you can imagine such a thing, it is tantamount to running the Hermitage, the Pushkin Museum and the Tretyakov Gallery all at the same time.

“There are lots of wonderful museum jobs,” Campbell said. “But this is a pretty fantastic one. This museum has perhaps the most complete encyclopaedic collection. It’s not as strong here or there as certain other institutions, but in a global sense it’s got the greatest depth and breadth.

Единорог обнаружен
1495–1505
Шерсть, шелк,
серебряный
и позолоченный уток
368,3 × 378,5
Дар Джона
Д. Рокфеллера-мл. 1937

The Unicorn Is Found
1495–1505
Wool warp, wool, silk,
silver, and gilt wefts
368.3 × 378.5 cm
Gift of John D. Rockefeller
Jr., 1937 (37.80.2)
The Unicorn is Found. Six
hangings and two fragments
from two or more sets of
tapestries

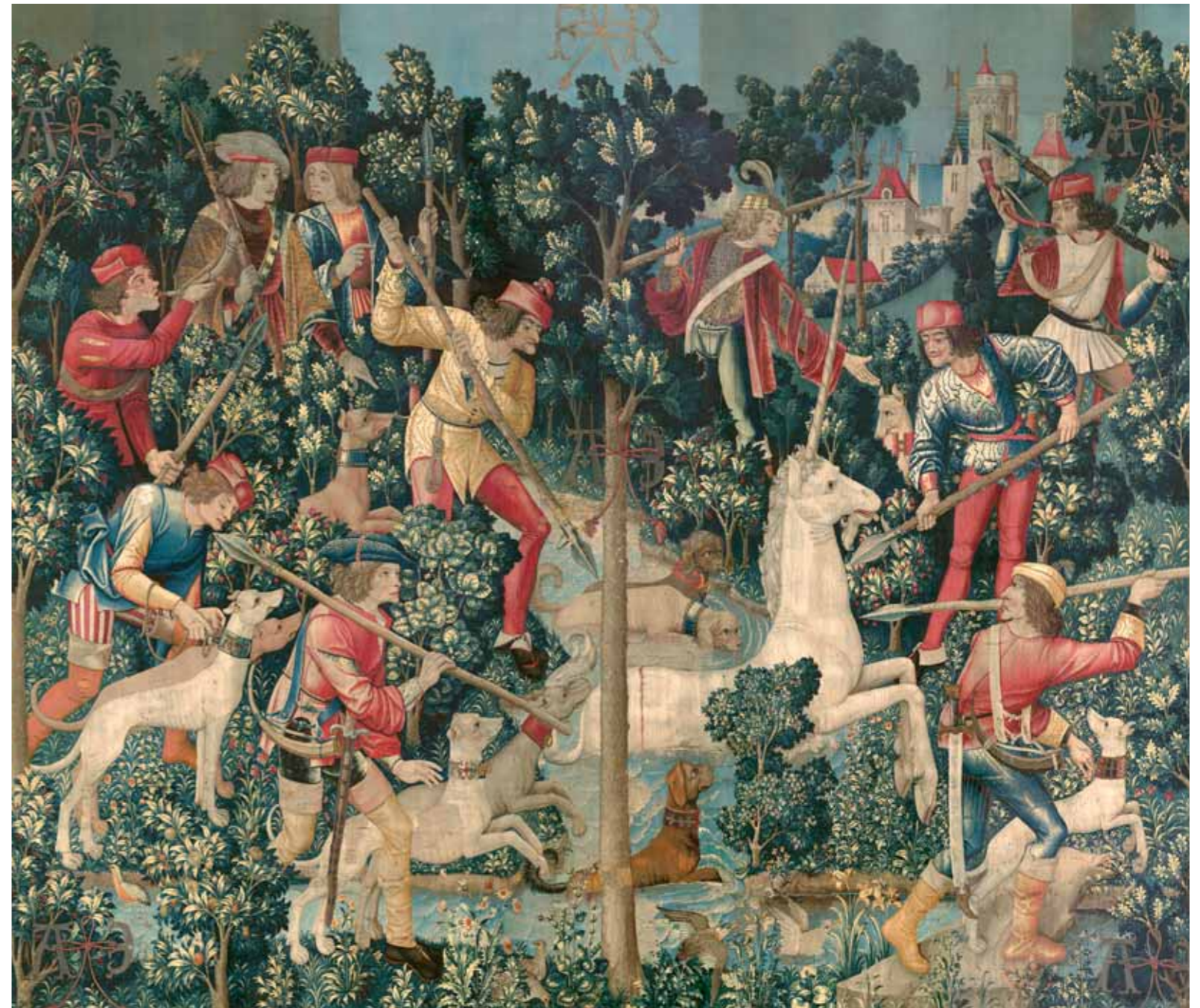
We've got this fantastic location where we have a large international visitorship. We are the largest tourist attraction in New York. But we also have this very strong more local audience who really care about what's going on and want a challenging programme. We have the space for both the display of our permanent collections but also our ambitious exhibitions. Also because of the funding here there is a gung-ho can-do mentality. And then finally and most importantly perhaps, under the direction of Philippe de Montebello the museum has been able to attract many of the leading curators in the field. So we have a really strong, very committed creative staff. So all of these things come together and make it really extraordinary and unique."

Campbell's decisive and measured delivery hint at the gift for diplomacy which will be a prerequisite for handling the egos of both world-class curators and

billionaire donors. "When I first started coming to New York in the early 90s and seeing the vitality of the programme compared to what was going on back in London or Paris, it was just in a different league. It's like a 16th-century court."

The comparison is apposite: no one knows 16th-century courts better. For the past 25 years, since discovering the few available tomes on the subject in a boiler room at the bottom of the Courtauld Institute in London, Campbell has made himself a world authority on tapestries. He bumped into the subject almost by accident when looking for a subject in which to specialise.

"I studied patronage in northern Europe and Britain in the 16th and 17th centuries," he explains, "a period when there is obviously a great building boom and an equally sophisticated literature. But what I didn't understand was why the painting and sculpture of that time didn't

Нападение на единорога. 1495–1505
Шерсть, шелк,
серебряный
и позолоченный уток
368,3 × 426,7
Дар Джона
Д. Рокфеллера-мл. 1937

The Unicorn Is Attacked, 1495–1505;
Wool warp, wool, silk,
silver, and gilt wefts
368.3 × 426.7 cm
Gift of John D. Rockefeller
Jr., 1937 (37.80.3)
Six hangings and two
fragments from two or more
sets of tapestries

работы как с экспертами с мировыми именами, так и с обладателями миллиардных состояний, оказывающими музею финансовую поддержку. «Уже при первых посещениях Нью-Йорка в начале 1990-х я почувствовал, насколько динамичен этот музей по сравнению с лондонскими и парижскими музеями — просто совершенно другой уровень. Это все равно что сравнить современную жизнь по этой теме на складе XVI века». Такое сопоставление можно понять, если учесть тот факт, что, пожалуй, никто не знает XVI век столь хорошо и досконально, как Томас Кэмпбелл, ведь он изучал этот период четверть века — с тех пор, как обнаружил несколько сохранившихся исторических трудов по этой теме на складе около котельной лондонского Института Кор-толда. В итоге Кэмпбелл стал одним из лучших в мире специалистов по гобеленам. Случайная по сути своей

находка, можно сказать, оказала решающее влияние на выбор специальности.

И вот как это произошло: «Я изучал вопросы спроса коллекционеров на произведения искусства в странах Северной Европы и в Великобритании XVI–XVII веков, — поясняет Томас Кэмпбелл. — В то время строительная отрасль и литература переживали период бурного развития. Однако я никак не мог понять, почему, в отличие от континентальной Европы, живопись и скульптура в этих странах не развивались столь же интенсивно. И вдруг неожиданно я осознал, что наиболее признанной формой изобразительного искусства там оставались гобелены». Дело в том, что Французская революция в большей или меньшей степени уничтожила эту форму изобразительного искусства, поскольку лишь у немногих коллекционеров сох-

ранились дома, где можно было бы вешивать гобелены, занимающие много места. Как следствие, спрос на гобелены со стороны заказчиков, так же как и интерес к ним со стороны искусствоведов, резко упал. В течение семи лет Кэмпбелл работал в Лондоне над фотоархивом всех наиболее известных в мире гобеленов, а затем в 1994 году получил должность в музее Метрополитен. Его имя стало известным благодаря двум успешным выставкам, продемонстрировавшим изумленной публике гобелен как произведение искусства: первая, в 2002 году, представляла работы периода Ренессанса, вторая, в 2007-м, — эпоху барокко. Как некий намек на преемственность, два великолепных гобелена были вывешены у входа на выставку Монтебелло. И все же: каким образом первая должность Томаса Кэмпбелла способствовала его новому назначению?

seem to be as dynamic and engaging as what was being produced [elsewhere] on the continent. And the light bulb went on, that it was these woven paintings that were the prestigious figurative medium of the day.”

The French Revolution more or less killed off the art form, and few collectors had houses big enough to display such vast works, so both the market in and study of tapestry fell into abeyance. For seven years in London Campbell worked on a photographic database of every important tapestry in the world, then landed a job at the Met in 1994. His reputation was established with two remarkably successful shows which hauled tapestry as an art form before a startled public: the 2002 show covered the Renaissance, then in 2007 moved onto to the Baroque. Discreetly alluding to the succession, two beautiful examples hung at the entrance to the Montebello exhibition. So how on earth did one job lead to the other?

“I would probably have been very content as a scholar to have carried on organising exhibitions and writing books and teaching,” he says. “But I have also

always enjoyed the managerial side of being here.” He was initially sounded out by the search committee about his views on the sort of person they should be looking for. Then they asked him to apply himself.

“My initial thought was I would very much be an outside candidate. In late spring I rented a car and drove all over England visiting country houses to research a book. It gave me a month of reflection, of thinking, ‘What would I actually bring to this process? Would it be for me?’ The more I thought about it the more excited I felt, the more I thought I could bring to it. So I came back thinking I had nothing to lose.” As the exhaustive interview process with the 12 trustees began, it became increasingly apparent to Campbell “that the ideas that I was bringing to the table seemed to be very much resonating with the ideas and concerns they had”.

The economic downturn is bound to have an impact on the museum’s air of impregnability. As things stand, Campbell’s talk is of evolution not revolution. “I’m not like Obama having to come in

Тайная вечеря
Гобелен
Около 1520–1530
По рисунку:
Бернарт ванн Орлей
(около 1488–1541)
Выткано: Питгер де Паннемейкер (?)
(Фландрия,
ранее 1530)
Фландрия
Шерсть, шелк,
серебряно-позолоченная нить
335 × 350

The Last Supper,
Tapestry, ca.
1520–1530
Designed by Bernaert
van Orley
(ca. 1488–1541)
Probably woven by
Pieter de Pannemaker
(Flemish, before 1530)
Flemish
Wool, silk, silver-gilt
thread
335 × 350 cm

with many things to work on. I don’t have two wars to sort out. This institution has had a period under a man who will go down in history as one of the great directors of all time. The museum is heading in the right direction. But having been here for 14 years I have the benefit of an insider’s point of view, understanding the strengths of the institution, but perhaps also having a sense of areas in which I can develop and build.”

What that actually means will emerge slowly over the years of Campbell’s own stewardship. But he talks in general terms about “putting the same creativity and energy that we put into the exhibition programme into our permanent collections” and “addressing audiences to whom the European art history tradition is not so familiar while harnessing modern technology to make sure we can deliver information at different levels for those who want it. The last thing I want to do is to turn the galleries into overly didactic settings, as has been the case in some institutions, where you get overly controlled interpretative guidelines, words that can’t be more than two syllables long.”

This need to make more creative use of what’s already in the museum is partly pragmatic. Since 9/11 it has been getting more expensive to mount the big international loan shows. “It’s because of the cost of terrorism insurance,” explains Campbell, “and so many institutions are now trying to charge loan fees.” Presumably when they look at the deep pockets of the Met they must be tempted to put the price up. “Certainly many people look at the Met and dollar signs go off in their eyes. Obviously we are a well-funded institutions in comparison to many others. We will continue to organise them but especially in the current circumstances we need to ensure that we are putting the same creativity that we put into the exhibition programme into our permanent collections.”

What that means in practical terms is that future visitors to the museum may find themselves wandering round its miles of corridors with a discreet electronic device pre-loaded with a mini-essay on every item in every collection. Campbell’s own device bleeps. Time’s up.

“I spent 14 years as a curator here keeping my schedule as empty as possible so I could write and research,” he says. “Two days after my appointment my diary was taken over by the director’s office and now my time is scheduled in 30-minute increments.” That is his life from now on until years hence when the hope is that another exhibition will celebrate the glories of his own long tenure.

Jasper Rees is a British writer and arts journalist, and a founder of the culture website theartsdesk.com. Among his published books is “I Found My Horn”, which has also been adapted for theatre.

«Как ученый, я, скорее всего, удовлетворился бы организацией выставок, написанием книг и преподавательской деятельностью, — говорит Кэмпбелл. — Но мне также было приятно выполнять административную работу в этом музее». Комитет, занимавшийся поиском кандидатуры на должность директора музея, вначале обратился к Кэмпбеллу с вопросом, какими качествами должен обладать потенциальный кандидат. Затем ему самому предложили подать заявку на эту должность.

«Вначале мне казалось, что едва ли моя кандидатура будет в числе основных претендентов. В конце весны я взял напрокат машину и отправился в путешествие по британским поместьям, чтобы затем написать о них книгу. Это позволило мне в течение месяца серьезно обдумать возможные перспективы. Что я в действительности смогу привнести в работу музея? Подойдет ли мне эта должность? Чем дольше я размышлял, тем более интересным казалось мне новое назначение, тем сильнее становилось убеждение, что я могу быть полезен музею. Я вернулся с твердым осознанием того, что в любом случае ничего не теряю», — рассказывает Кэмпбелл. В ходе продолжительного интервью с 12 членами попечительского совета он все более четко осознавал, что его предложения «во многом были созвучны с мыслями и интересами членов совета».

Бесспорно, нынешний экономический кризис не может не повлиять на деятельность музея Метрополитен. Но сегодня Томас Кэмпбелл говорит скорее об эволюционных, нежели революционных, преобразованиях.

«В отличие от президента Обамы, мне не приходится решать слишком много проблем, в частности, думать о том, как разобратся с двумя войнами. Музей — это учреждение, в течение долгого времени возглавлявшееся человеком, который вошел в историю как один из величайших музейных руководителей всех времен. Деятельность музея в целом осуществляется в правильном направлении. В то же время, как штатный сотрудник с 14-летним стажем, я хорошо понимаю, в чем заключаются сильные стороны нашей работы, а что мне предстоит развивать и создавать вновь. Но это вопрос эволюционной, а не революционной, деятельности», — говорит Кэмпбелл.

Результаты деятельности станут очевидны лишь по истечении некоторого времени. Пока же Томас Кэмпбелл в общих чертах предлагает «так же творчески и энергично подходить к организации постоянных экспозиций, как это происходит с тематическими выставками», «учитывать интересы аудитории, не очень знакомой с историей развития европейского искусства, и использовать современные технологии с целью донести необходимую информацию до всех,

Якопо БАССАНО
(Италия, Венеция,
родился около 1510,
умер 1592)
Крещение
Холст, масло
191,8 × 160,3

Jacopo BASSANO
(Italian, Venetian, born
about 1510, died 1592)
The Baptism of Christ
Oil on canvas
191.8 × 160.3 cm

кто ею интересуется. Я не хотел бы превращать музейные экспонаты в «учебные пособия» (как это делается в некоторых музеях), сопровождая их краткими, но «исчерпывающими» аннотациями».

Необходимость более творчески использовать коллекции, уже имеющиеся в фондах музея, отчасти продиктована чисто практическими соображениями. После трагедии 11 сентября организовывать большие международные выставки становится все сложнее. «Страховка от последствий террористической деятельности стоит дорого, — поясняет Томас Кэмпбелл. — Поэтому многие учреждения стараются получить деньги за предоставление своих экспонатов на выставки». Вероятно, зная о финансовых возможностях музея Метрополитен, они стремятся повысить ставку. «Безусловно, у многих глаза разгораются при мысли о возможности нажиться за счет Метрополитена. По сравнению со многими другими наш музей получает значительную финансовую поддержку. Конечно, мы будем продолжать организовывать выставки. Однако в нынешних условиях нам необходимо творчески подходить не только к выставочным программам, но и к постоянным экспозициям музея».

На практике такой подход может найти свое воплощение в индивидуальных электронных устройствах, содержащих информацию о каждом экспонате, с помощью которых посетители музея будут знакомиться с его обширными коллекциями.

Беседу с новым директором музея прерывает сигнал электронного устройства. Наше время истекло.

«Исполняя обязанности куратора музея в течение 14 лет, я старался составить свое расписание таким образом, чтобы у меня оставалось время писать и заниматься научными исследованиями, — говорит Кэмпбелл. — Через два дня после назначения на должность директора моим временем стали распоряжаться мои помощники. Поэтому теперь мой рабочий день разделен на 30-минутные интервалы». Такова жизнь Томаса Кэмпбелла сегодня, и хочется надеяться, что через много лет его труд на благо музея будет также отмечен великолепной экспозицией.

Джаспер Реес — британский писатель, обозреватель по вопросам культуры. Он — один из создателей веб-сайта theartsdesk.com. Среди опубликованных им книг — роман «Я нашел валторну». Пьеса на сюжет из этого романа с успехом идет в английских театрах.